

Понимание логики феномена маски нормальности невозможно без раскрытия понятия «психопатия» – синдрома, который проявляется в виде отсутствия у субъекта эмоциональной составляющей: чувства вины, жалости, сострадания, раскаяния и т. д., а также в виде наличия лживости и укоренившегося нарциссизма. О криминологической важности данного синдрома и его проявлений не стоит забывать в рамках изучения личности преступника, как и об отдельном блоке психофизиологических особенностей, которые и включают, по нашему мнению, имманентные свойства феномена маски нормальности.

Изучая многополярные аспекты криминологической теории, которые усложняются и расширяются посредством других наук, приходится часто задаваться вопросом о механизме возникновения преступного поведения индивида в равных условиях с другими, законопослушными индивидами. На этот важный научный вопрос мы и постараемся ответить в ходе данного научного исследования.

По нашему мнению, проблема формирования социально одобряемого поведения и его отличия от преступного весьма важна в теории предупреждения преступности и изучения личности преступника.

Топографическая модель психики человека включает в себя три уровня, о чем мы упоминали выше:

бессознательное (совокупность инстинктов и вытесненных воспоминаний);

предсознательное (совокупность переживаний лица в незадействованном формате, всплывающих при определенных волевых усилиях, другими словами, неостребованный в данный момент опыт);

сознательное (это реальная память, осознание в данный момент).

Важно отметить очень значимый момент. Чтобы уровень накопленных инстинктов не превышал критической массы на уровне бессознательного, они выводятся небольшими порциями. Это и есть механизм защиты психики. Именно механизм защиты обуславливает преступное и социально одобряемое поведение.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в своей естественной, непроступной жизни педофилы являются ярко выраженными социально приемлемыми личностями. И если бы подобное социально приемлемое поведение педофила являлось результатом притворства, то окружающие люди (эксперты, сотрудники правоохранительного блока) интуитивно почувствовали бы это или не могли бы безусловно охарактеризовать педофила исключительно положительно. А мы наблюдаем, что лица, осужденные за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, в большинстве своем являлись примерными семьянинами, педагогами, врачами, тренерами, воспитателями – представителями всех тех категорий, которые максимально приближены к несовершеннолетним в повседневном контакте в силу трудовых, служебных и социально-обусловленных правоотношений. И поэтому феномен маски нормальности является неотъемлемой составляющей изучения личности преступника в рамках криминологии. Также данный феномен выступает необходимым звеном в формировании единой стратегии предупреждения и профилактики, тем самым снижая уровень энтропии в теории предупреждения рассматриваемого вида преступности.

УДК 343.541

И.С. Сырковаш

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Важнейшей проблемой современной криминологии наравне с рассмотрением классических вопросов этой науки (преступность и законы ее развития, причинный комплекс, включая факторы и явления, личность преступника, предупреждение, виктимологическая профилактика и др.), является вопрос анализа ее частной теории – «цифровой криминологии».

Специфической особенностью жизни в современном социуме стало «обитание» индивида в цифровой среде (цифровом поле), что привело к имманентным изменениям, в том числе в преступной деятельности. С использованием компьютерных средств и систем сегодня совершаются преступления практически любых видов: против жизни и здоровья, государственной власти, собственности, половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних (около 80 % знакомств происходит в сети Интернет), общественной безопасности и др. Уголовное законодательство и составы преступлений «эмигрируют» в цифровую плоскость.

В связи с этим появилась киберпреступность. Она представляет собой преступную деятельность, целью которой является использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства в целях нарушения закона.

По данным МВД Республики Беларусь за 2022 г. в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года отмечена положительная тенденция к сокращению количества зарегистрированных киберпреступлений с 13 427 до 11 707 (–12,8 %). Число таких уголовно наказуемых деяний уменьшилось во всех регионах страны, за исключением г. Минска (+5,2 %; с 3 842 до 4 042). Значительное сокращение их количества характерно для Могилевской (–30,5 %), Гродненской (–27,0 %) и Брестской (–20,7 %) областей. Число особо тяжких и тяжких киберпреступлений в республике также существенно снизилось с 426 до 307 (–27,9 %), за исключением Гомельской области (+47,2 %; с 36 до 53).

В свою очередь, социальные сети и мессенджеры нередко становятся благоприятной средой для совершения самых разных преступлений: экстремистской и террористической направленности, незаконного оборота наркотиков, распространения детской порнографии и др. Появляются новые профессии преступного ремесла, к примеру, такие как в наркомаркетах – «химики», «коллекторы», «финансисты», операторы и пр. Это в первую очередь связано с широкими функциональными возможностями социальных сетей и мессенджеров, спецификой компьютерно-опосредованной коммуникации, позволяющей личности сохранять свою анонимность и с легкостью публиковать разного рода информацию, которая становится впоследствии доступной широкому кругу лиц. Такие условия раскрывают перед злоумышленниками массу возможностей для реализации своих преступных замыслов посредством использования социальных сетей и мессенджеров, что обуславливает необ-

ходимость разрешения правоохранительными органами проблемных вопросов, связанных с отсутствием унифицированного подхода к обнаружению, фиксации и изъятию цифровых следов из социальных сетей и мессенджеров.

Рассмотрим несколько способов поиска и собирания информации в социальных сетях, где потенциально содержатся следы преступления с последующей фиксацией и изъятием криминалистически значимой информации, что позволит сформировать образ виртуального преступника с использованием:

- 1) технических средств (ПК, ноутбука, электронного планшета и др.) для посещения страницы пользователя социальной сети;
- 2) электронного устройства преступника;

3) электронного устройства потерпевшего при помощи авторизации через его аккаунт в социальной сети (однако при этом следует иметь в виду, что получение криминалистически значимой информации будет возможно только в отношении тех данных, к которым аккаунт конкретного пользователя имеет доступ);

4) серверов компаний, предоставляющих услуги пользования конкретной социальной сетью, содержащих информацию о пользователях социальной сети;

- 5) иных источников.

Для накопления и анализа информации специальными субъектами, осуществляющими процессуально-значимые действия, необходимо выработать аналитический склад ума, позволяющий обрабатывать информацию о преступнике намного быстрее. Формирование специалиста такого профиля является востребованным направлением совершенствования и организации различных служб и подразделений по борьбе с киберпреступностью.

УДК 343.8

Е.Г. Терешенко

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

С возникновением нового Советского государства стали проявляться и новые тенденции, связанные с наказанием в виде лишения свободы на определенный срок (далее – лишение свободы).

Первый шаг в применении наказания в виде лишения свободы на территории Беларуси на советском этапе связан с периодом 1918–1922 гг. После Октябрьской революции был образован Наркомат юстиции, в ведении которого находилось Главное управление местами заключения. Однако, признав его неэффективность, Наркомат юстиции принял решение о его роспуске и образовании Центрального карательного отдела. В июле 1918 г. Центральный карательный отдел опубликовал Временную инструкцию, предписывавшую создать сложную систему мест заключения, которая должна была реализовать два основных принципа новой тюремной политики: самокупаемость и полное перевоспитание осужденных. Исходя из данных принципов, можно заключить, что концепция эффективности исполнения наказания в виде тюремного заключения в данный период базировалась на том, что осужденный посредством своего труда будет возмещать расходы учреждения на свое содержание и вместе с тем становится правопослушным трудящимся лицом, готовым вернуться в общество. Соответственно, наказание считалось исполненным эффективно, если лицо в период отбывания наказания систематически выполняло необходимый трудовой показатель, возмещающий расходы учреждения на одного осужденного, и в связи с перевоспитанием стало лицом, готовым к правопослушной жизни в обществе.

О превалировании концепции эффективности, основанной на идеях перевоспитания, свидетельствовало также принятие постановления Правительства, определяющего, что условия работы осужденных (включая оплату труда) не должны отличаться от согласованных с профсоюзами условий для вольнонаемных рабочих. Однако ввиду существовавшего в те годы высокого уровня безработицы, выполнение данного постановления представлялось проблематичным. В связи с этим пришлось делать выбор. Центральный карательный отдел настоял на приоритете перевоспитания осужденных, мотивируя это тем, что лучше сделать тюрьмы ненужными, чем бесплатными, тем самым сместив акцент с цели самокупаемости.

В дальнейшем приверженность данной концепции отразилась на преобразовании Центрального карательного отдела в Центральный исправительно-трудовой отдел. Однако в скором времени Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР было принято решение передать все места заключения в ведомство Главного управления принудительных работ НКВД, которое выступало с позиции приоритетной необходимости трудового использования осужденных. Центральный исправительно-трудовой отдел Наркомата юстиции и его местные органы 12 октября 1922 г. реорганизованы в Главное управление местами заключения НКВД и местные управления местами заключения при губернских органах НКВД.

Начало следующего этапа было положено 24 января 1922 г. принятием Декрета Президиума ЦИК ССРБ «О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР», в соответствии с которым все постановления и распоряжения Народного комиссариата РСФСР признавались по союзному договору между РСФСР и ССРБ обязательными для ССРБ, вследствие чего на территории ССРБ действовало уголовное и исправительно-трудовое законодательство РСФСР.

IX съездом Советов 26 мая 1922 г. принят Уголовный кодекс РСФСР, закрепивший виды наказания, в том числе лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой, и применение наказаний в целях общего предупреждения новых преступлений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества, а также приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений.

По мнению советских ученых-правоведов, именно социалистическая теория отличилась активным продвижением педагогической задачи наказания. Поскольку в сфере уголовной репрессии по идеологическим причинам нельзя было уравнивать